

это показное рвение или правда население охотно принимало правительственную агитацию.

Губернатор отправлял аналогичные послания в Санкт-Петербург. Например, губернатор Ключарев сообщал министру внутренних дел, что «милостивые слова Государя Императора курским крестьянам по появлению правительственного вестника были напечатаны в десяти тысячах экземпляров и разосланы населению губернии, теперь дополнительно печатается еще столько же» [1]. О масштабах рассылки прокламаций и брошюр говорит тот факт, что Особый уфимский губернский комитет просил начальника Самарского почтово-телеграфного округа разрешить принимать посылки комитета весом больше трех пудов в 1 день [1].

Библиографический список

1. Записка Бирского уездного комитета попечительства о народной трезвости Уфимскому губернатору // ЦГИА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Ед. хр. 1452. Л. 9.
2. Записка земского начальника 1 участка Белебеевского уезда // ЦГИА РБ. Ф. И–11. Оп. 1 Ед. хр. 1452. Л. 11.
3. Копии из газет, прокламаций и изданий // ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Ед. хр. 274.
4. Переписка с департаментом полиции // ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1 Ед. хр. 118. Л. 39.
5. Переписка с жандармскими управлениями... // ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1 Ед. хр. 158. Л. 876.
6. Пролетарий: газета областного комитета большевиков. 1908. 19 февраля. № 22.

И.А. Ревин

Южно-Российский государственный технический университет

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Аграрный кризис конца XIX – начала XX в. был вызван, прежде всего, нехваткой земли, в селах быстрыми темпами увеличивался слой безземельных крестьян [1, с. 35–36]. Консервация архаичных форм агрикультуры в значительной степени была связана и с сохранением крестьянской общины. Вопрос о предоставлении отдельным

крестьянам права выхода из общины впервые был поставлен министром финансов С.Ю. Витте в 1898 г. В 1902 г. Николаем II было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством С.Ю. Витте. Главным итогом его деятельности стало предложение разрешить свободный выход из общины всем желающим, которые после выхода из нее могли бы создавать свои хозяйства на основе частной собственности на землю [5]. Параллельно этот же вопрос с начала XX века рассматривался в трех министерствах: финансов, внутренних дел и земледелия.

Первая русская революция 1905–1907 гг. была тем пределом после которого царское правительство с опозданием, но решилось на проведение аграрной реформы. Крестьянские волнения охватили всю страну и Область войска Донского не была исключением. Лето 1905 г. ознаменовалось бурным аграрным движением в Ростовском, Донецком и Таганрогском округах. Крестьяне нападали на помещичьи имения и громили их, производили потраву помещичьих посевов. В своих многочисленных «приговорах» крестьяне требовали упразднения всех сословий, ликвидации частной собственности на землю, немедленной отмены всех выкупных платежей, свободы собраний [11]. Осенью 1905 г. крестьянское движение распространилось еще шире. В ряде мест крестьяне смещали старост и старшин. Волнения в деревне продолжались и летом 1906 г., причем в ряде случаев (в слободах Голодаевке, Федоровке, Селивановской и др.) царским властям приходилось подавлять крестьянское движение с помощью войск. В 1907 г. произошел ряд новых крестьянских выступлений, среди которых особенно выделяется выступление в селе Крутом Ростовского округа. В таких условиях начинается проведение аграрных преобразований в российской деревне. Главным государственным актом реформы стал указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший крестьянам выходить из общины и укреплять землю в личную собственность [13], а так как Манифест от 3 ноября 1905 г. отменил выкупные платежи, то крестьянин мог выйти из общины с землей бесплатно.

Крестьянская личная собственность (бывшая наделная) отличалась от частной собственности на землю. «Крестьяне-укрепленцы» могли продать свои наделы лишь лицам, приписанным к сельскому обществу. Покупатели их земли могли купить не более шести полных наделов (это не означало землю шести дворов, а лишь норму шести душ мужского пола). Вводя эти ограничения, правительство ставило цель сохранить бывшие наделные земли в руках крестьянства, обе-

спечивавшего Россию сельскохозяйственной продукцией. П.А. Столыпин считал, что закон должен налагать «ограничения на землю, а не на ее владельца...» [17, с. 177].

В результате предпринятых мер общинно-душевой форме землепользования стали сопутствовать формы: общинно-укрепленная (чересполосные участки земли, находившиеся в личной собственности с правом отчуждения), отрубная (участки земли, отведенные в личную собственность в одном месте) и хуторская (с переносом на отрубной участок и усадьбы крестьянского двора). За период от 9 ноября 1906 г. по 1 января 1916 г. на Дону было образовано 12969 хуторских и отрубных хозяйств со средним наделом в 9,24 дес., причем темпы создания хуторов увеличивались ежегодно. За это время «укрепило землю» около 20 % крестьянских хозяйств региона.

Значительную помощь выделявшимся хозяевам оказывал Крестьянский поземельный банк. В отличие от других ипотечных банков, выдававших нецелевые ссуды, кредит Крестьянского поземельного банка имел строго определенное назначение – только на покупку земли. Средства для выдачи ссуд Банк аккумулировал за счет выпуска ипотечных облигаций. С началом проведения аграрной реформы на Крестьянский банк была возложена задача «оказывать крестьянам более широкую помощь как путем выдачи ссуд для покупки земли, так и усилением операции по приобретению земель за счет собственных средств Банка». Тем самым Крестьянский банк должен был способствовать «прочному насаждению в среде крестьянского населения единоличной собственности на землю, как основы преобразования хозяйственного уклада сельской России». Если прежде Крестьянский банк отдавал предпочтение коллективным покупателям земли, то с 1906 г. главной целью деятельности Банка в русле всей аграрной реформы стало насаждение прочных единоличных хозяйств. Приобретая землю единолично, крестьяне должны были оплачивать только 10 % от ссуды. В товарищеских покупках (и общинных) ссудная помощь ограничивалась 80 %. Безземельным и малоземельным крестьянам, не имевшим средств для внесения доплат к ссудам, выдаваемым в размере 90 % специальной оценки, была разрешена выдача ссуд в полном размере оценки [12, с. 333–351]. Однако это было скорее исключением. По мнению администрации Крестьянского банка, выплата части покупной стоимости приобретаемой крестьянами земли имела своеобразное «воспитательное» значение, так как укрепляла в крестьянах-покупщиках чувство собственности. «Необходимо, что-

бы покупатель раньше, чем превратиться во владельца приторгованной земли, покрыл известную часть покупной цены... Уплатив за землю из трудовых сбережений, крестьянин проникается сознанием, что эта земля его неотъемлемая собственность, и как бы роднится с нею» [9, с. 24].

В 1907–1916 гг. 86,8 % всей земли, проданной Донским отделением Банка, приходилось на долю хуторян и отрубников, на долю отдельных домохозяев приходилось 3569, товариществ – 9, сельских обществ – всего 3 [7, с. 301]. Причем основное количество сделок приходилось на зажиточных крестьян. О чем свидетельствуют данные об обеспеченности клиентов банка рабочим скотом. В 1909–1915 гг. через Крестьянский банк купили землю 229 домохозяев без рабочего скота, 597 – с одной лошастью, 1222 – с двумя лошадьми и 1521 – с тремя лошадьми [7, с. 302]. Превращение Крестьянского банка в наиболее крупного покупателя земли в стране, несомненно, повлияло на колебания земельных цен. В 1906–1907 гг. – в период массовых продаж помещичьих земель – банк не допустил обесценивания продаваемых частновладельческих имений. Им же был предупрежден искусственный подъем продажной стоимости земли, когда спрос на нее со стороны крестьян повысился. Кроме того, активная роль Крестьянского банка предотвратила скупку за бесценку земли разного рода спекулянтами. В среднем цены на землю, покупаемую крестьянами у банка, были на 23 % ниже, чем на земельном рынке.

Специфичным направлением деятельности Крестьянского банка стала скупка земель иностранных (прежде всего немецких) колонистов с началом Первой мировой войны. К 1914 г. немецким колонистам в Области войска Донского принадлежало от 124620–128441 до 186014 десятин земли [15, с. 22]. Власти рассчитывали, что немецкие колонисты, внесенные в ликвидационные списки, добровольно выставят на продажу свои имения. Однако такие случаи были единичны. К тому же стоимость приобретаемых банком земель не соответствовали реальным ценам. Крестьянский поземельный банк предлагал владельцам 162 руб. за десятину, а фактически цена снижалась еще сильнее [16, с. 27]. Например, жители колонии Никольская Донецкого округа предложили банку купить их имение, потому что благосостояние колонии упало вследствие неурожая в последние годы [3, л. 44об.]. В декабре 1915 г. Донское отделение Банка приобрело их имение за 145 тыс. руб., что было, как считал член Совета отделения А.П. Ошанин, очень выгодно. В 1909 г. колонисты за него заплатили

21 тыс. руб., а после 1909 г. цены на землю сильно выросли, да к тому же ценность имения увеличилась благодаря хорошо оборудованным постройкам. Всего к 1 января 1917 г. Донским отделением Крестьянского Банка было осмотрено 97 владений немецких колонистов площадью 96 323 дес. 244 саж., за которые банк предполагал заплатить немногим более 21,4 млн руб. Фактически были скуплены земли только 41 колонии площадью свыше 57 тыс. дес. за 8,2 млн руб. (в среднем по 144 руб. за дес.) [2, л. 6–7], что составляло примерно около 35 % от общей площади земель немецких колонистов. Таким образом, Крестьянский поземельный банк, участвуя в начатой правительством борьбе с «немецким засильем» в аграрной сфере, реально способствовал ликвидации землевладения немцев-колонистов.

Важным звеном в проведении столыпинской аграрной политики являлись переселенческие мероприятия правительства, целью которых было выселение на окраины России наиболее «беспокойных» элементов крестьянства. О масштабах переселенческого движения на Дону можно судить по следующим цифрам: с 1906 по 1916 г. в Сибирь было переселено 45889 крестьян (до 3 % всего крестьянского населения Дона), из которых 10069 (21,9 %) крестьян вернулись обратно. Особенно большой процент «возвращенцев» наблюдался в 1910 и 1912 гг. – 58,8 % и 57,6 % соответственно [7, с. 302].

Противоречивой (а где-то и негативной) чертой аграрной реформы следует признать быстрое имущественное расслоение крестьянства, так как наряду с зажиточными крестьянами из общины выделялись и бедняки, которые вскоре же лишались участков земли, закрепленных в их личную собственность, и разорялись. Только за семь лет (1907–1913 гг.) продали свои участки наделной земли 6759 домохозяев (около 40 % таких крестьян) [7, с. 291]. К примеру, землеустройство крестьян Кагальника на основании законов 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г. дало печальные результаты. Со дня разрешения крестьянам укреплять свои наделы в личную собственность (к 1911 г. – *И.Р.*) из 1844 дворов успели выйти на отруб 632 домохозяина с общим количеством в 3500 дес. наделной земли. Вышедшие на отруб вместо того, чтобы воспользоваться разрешаемым им кредитом под залог наделов для технического подъема производительности земли и улучшения своего хозяйства, просто распродавали их иногда по крайне низким ценам. Насколько успешно шла распродажа крестьянами села своих наделов, видно из того, что из вышедших первыми из общины на отруб 131 домохозяина 85 почти немедленно лишились

своих наделов, продав их по баснословно низким пенам – по 150 руб. за надел количеством земли свыше 3 дес. Крестьяне, продавшие свои наделы, вырученные деньги прожили... и теперь влачат нищенское существование... [8].

В итоге столыпинской реформы и на Дону не только не прекратилась, но еще более обострилась борьба против помещиков в сочетании с борьбой между беднотой и кулачеством. В 1915 г. в поселке Больше-Каменском Таганрогского округа имел место массовый погром кулацких хозяйств [4, с. 8–9]. Политика насильственного разрушения общины и насаждения хуторских и отрубных хозяйств наталкивалась на растущее сопротивление крестьян Дона. В ряде мест они не допускали землемеров к проведению землемерных работ, выступая против несправедливого выделения отрубов, которое лишило сельские общества лугов, водопоев, свободного проезда [14, л. 1–2]. Это вело к агрессии против отрубщиков и хуторян, в которых крестьяне видели источник своих бед.

Столыпинская реформа в полной мере не сгладила остроты аграрного вопроса. Около $\frac{1}{4}$ части всех хозяйств области не имела посевов, около трети не имела с.-х. инвентаря; примерно, $\frac{1}{6}$ часть не имела никакого скота. Казачество, в сравнении с крестьянами, находилось в лучшем положении, но и среди казаков было немало бедняцких хозяйств. Более того, 21 % крестьянских хозяйств принадлежало более 75 % всей надельной и купчей земли крестьян, тогда как на долю 79 % хозяйств приходилось менее 25 % всей земельной площади, принадлежавшей крестьянскому населению области. По данным переписи 1917 г., 15652 (10,23 %) донских крестьянских хозяйств были безземельными, 68 тыс. (44,44 %) имели менее 4 дес. земли, 39 тыс. (25,49 %) имели 4–10 дес., 30348 (19,83 %) – от 10 до 100 дес. земли [6, с. 264–265; 7, с. 302].

Профессор Л.И. Футорянский сделал вывод о том, что в волостях приписных крестьян без земли насчитывалось 13446, посторонних – 20320 хозяйств, а всего на Дону было 86590 безземельных хозяйств. Примерно половина из них не нуждалась в земле и давно занималась разными промыслами (43295 хозяйств) [18, с. 282]. Войсковая запасная земля составляла 12807101 десятин, или 15,1 % всей земли, чиновникам и офицерам принадлежало 1193316 десятин, или 9,3 %. И если разделить всю эту землю на количество нуждающихся в ней хозяйств, то получим по 45 десятин на хозяйство. Средняцким хозяйствам требовалось по 22,5 десятины на двор, поэтому земельный вопрос на Дону можно было решить без конфискации станичных земель.

Отношение самих крестьян к проводимой правительством аграрной реформе было неоднозначным. Как все новое, преобразования П.А. Столыпина встретили недоверчиво. Закон об общине не одобряли из-за опасения посторонней эксплуатации. Корреспонденты писали, что «крестьяне не верят правительству ни на грош и все эти банки и комиссии считают новой ловушкой для простака крестьянина. Банку не доверяли по причине высокой оценки и непосильной оплате. По этой же причине на начальном этапе реформы в 1906–1907 гг. переселения в Сибирь были единичными, так как льготной передачей удельных и казенных земель крестьяне интересовались мало. Часто ходоки возвращались безрезультатно, но «вследствие облегчения процедуры, а отчасти вследствие ежегодного возвышения арендных цен на землю у себя дома» многие крестьяне потянулись в Сибирь [10, л. 25–26]. Перелом в крестьянском сознании наступил с 1908 г., когда стало расти число переселений в Сибирь, на 1911 г. приходится пик выдачи ссуд Донским отделением Крестьянского банка, а в 1914 г. наблюдается всплеск создания хуторов и отрубов.

Концепция аграрной реформы П.А. Столыпина предлагала путь развития смешанной, многоукладной экономики, где государственные формы хозяйства должны были конкурировать с коллективными и частными. Составные элементы его программ – переход к хуторам, использование кооперации, развитие мелиорации, введение трехступенчатого сельскохозяйственного образования, организации дешевого кредита для крестьян, образование земледельческой партии, которая реально представляла интересы мелкого владения. Столыпин выдвигает либеральную доктрину управления сельской общиной, устранения чересполосицы, развития частной собственности на селе и достижения на этой основе экономического роста. По мере прогресса крестьянского хозяйства фермерского типа, ориентированного на рынок, в ходе развития отношений купли-продажи земли должно произойти естественное сокращение помещичьего фонда земли. Будущий аграрный строй России представлялся премьер-министру в виде системы мелких и средних фермерских хозяйств, объединенных местными самоуправляемыми и немногочисленными по размерам дворянскими усадьбами. Однако в ходе революции 1917 года и гражданской войны общинное землевладение одержало решительную победу над частным. Десятилетие спустя, в конце 1920-х гг., вновь вспыхнула острая борьба теперь уже между крестьянской общиной и государством. Итогом этой борьбы стало

окончательное уничтожение общины и начало сплошной коллективизации деревни.

Библиографический список

1. Вронский О.Г. Государственная власть Российской империи и проблемы формирования перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. М., 1999;
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 213. Оп. 3. Д. 53.
3. Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 6397.
4. Золотов В.А. Аграрный вопрос на Дону перед Великой Октябрьской социалистической революцией. Ростов-на-Дону, 1950.
5. Корелин А.П. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX–XX вв. // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2000.
6. Лунин Б.В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Кн. 2. Ростов-на-Дону, 1951.
7. Наш край: Документы по истории Донской области XVIII – начало XX века. Ростов-на-Дону, 1963.
8. О продаже крестьянами с. Кагальник своих наделов и скупке их сельскими кулаками // Приазовский край. 1911. 30 ноября.
9. Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1906–1910 годы. СПб., 1911.
10. Обзор крестьянского движения по Донской области за 1905–1906 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 91. Оп. 1. Д. 803.
11. Пролетарий. 1905. 13 октября.
12. Проскуракова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002.
13. ПСЗ III. Т. XXVI. № 28528.
14. Рапорт землемера Ц. Траутсольта о волнениях крестьян пос. Больше-Каменского в связи с межеванием земель. Июль 1915 г. // ГАРО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 152.
15. Роот Е.В. Немецкие колонии Области Войска Донского (последняя треть XIX в. 1914 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
16. Соболев И.Г. Крестьянский Поземельный банк и борьба с «немецким засильем» в аграрной сфере (1915–1917 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 1992. Вып. 3.

17. Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. М., 1991.
18. Футорянский Л.И. Подворное обследование всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи на Дону в 1917 г. // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Ростов-на-Дону, 2008.

С.Л. Мерзляков

*Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина*

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНКИ РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.А. СТОЛЫПИНА

Высоко в исторической памяти стоит Петр Аркадьевич Столыпин. Ныне это имя окружено величайшим уважением, безусловным признанием. А знакомство с биографией этого человека, его делами, поступками, с его блистательными речами в Думе подтверждает, что России выпала удача иметь во главе деятеля исключительного калибра, знавшего, что делать для страны, и имевшего мужество осуществлять задуманное (чего стоит один его ответ на вопрос: «Не боитесь ли, Петр Аркадьевич?» – «Я уже считаю себя убитым и потому ничего не боюсь»).

Однако это мы высоко оцениваем П.А. Столыпина, и история. А современники судили жестче. Ругань со всех сторон была постоянным аккомпанементом его деятельности. Для монархистов П.А. Столыпин был дьяволом во плоти, они полагали, что своей земельной реформой он рушит традиционную Русь, дополнительно впускает язву частного предпринимательства, а с ним и «западный дух», который все погубит в России.

Для левых – противников самодержавия революционного либо конституционного толка – П.А. Столыпин также был не реформатором, а негодяем: он ведь работал на самодержавие, пытался укрепить «основы». Так, кадеты А.И. Чупров и А.А. Кауфман, являвшиеся сторонниками частной собственности на землю, высказывались против поспешного разрушения крестьянской общины, усматривая в этом продукт бюрократического творчества, способный породить лишь революцию [См.: 9, с. 82–83; 20; 34]. Другой член кадетской партии